

DOI: 10.17516/1997-1370-0889
УДК 304.5, 7.036

Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works

Natalia P. Koptseva^a, Ksenia V. Reznikova^{*a},
Yuliya V. Kvashnina^b, Natalia N. Seredkina^a
and Natalia M. Leshchinskaya^{a*}

^a*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*The Estate Museum of V.I. Surikov
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.12.2021, received in revised form 30.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. This article analyzes the comprehension of the cultural dynamics of the indigenous peoples of the North in paintings and graphic works. The main attention is paid to the correlation of cultural dynamics with cultural statics. The general method is philosophical and art history analysis. The study made it possible to propose a way to systematize works that visualize the life of the indigenous peoples of the North, firstly. In accordance with the denial or recognition of cultural dynamics in them and, secondly. In accordance with the presented models of interaction between the traditional and the new. Internal and external. In total. In the proposed systematization, six models of understanding the cultural dynamics of the indigenous peoples of the North have been identified, but the authors believe that their number can be expanded in the course of further research of paintings and graphic works that visualize the life of northern ethnic groups.

Keywords: cultural dynamics, cultural statics, small indigenous peoples of the North, deer.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: culturology.

Citation: Koptseva, N. P., Reznikova, Yu. V., Kvashnina, K. V., Seredkina, N. N., Leshchinskaya, N. M. (2022). Cultural dynamics of the indigenous small-numbered peoples of the Krasnoyarsk territory in paintings and graphic works. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 15(6), 840–852. DOI: 10.17516/1997-1370-0889.

Культурная динамика коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в живописных и графических произведениях

Н.П. Копцева^а, К.В. Резникова^а,
Ю.В. Квашнина^б, Н.Н. Середкина^а, Н.М. Лещинская^а

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бМузей-усадьба В.И. Сурикова

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В настоящей статье анализируется осмысление культурной динамики коренных малочисленных народов Севера в живописных и графических произведениях; основное внимание уделено соотношению культурной динамики с культурной статикой. В качестве основного метода выступает философско-искусствоведческий анализ. Проведенное исследование позволило предложить способ систематизации произведений, визуализирующих быт коренных народов Севера, во-первых, в соответствии с отрицанием или признанием в них культурной динамики и, во-вторых, в соответствии с представленными моделями взаимодействия традиционного и нового, внутреннего и внешнего. Всего выделено шесть моделей осмысления культурной динамики коренных народов Севера, но авторы полагают, что их количество может быть расширено в ходе дальнейшего исследования живописных и графических произведений, визуализирующих жизнь северных этносов.

Ключевые слова: культурная динамика, культурная статика, коренные малочисленные народы Севера, олень.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология.

Введение

Понятие «культурная динамика» об-суждается в философии, антропологии, социологии, культурологии и др. Сравнительный анализ публикаций, касающихся данного термина, позволил выделить ряд наиболее важных аспектов культурной динамики, это: соотношение с культурной статикой, масштаб, временные характеристики, источник, направление, методы исследования культурной динамики (Koptseva, et al., 2018, Leshchinskaya, et al., 2021, Pimenova, 2021, Seredkina, et al., 2021, Shpak & Pchelkina, 2021). Основной

тон исследованиям культурной социодинамики КМНС Красноярского края, проводимым кафедрой культурологии и искусствоведения СФУ, задан Н.П. Копцевой в программной статье «Modern Concepts of Cultural Sociodynamics in the Context of Research of the Socio-Cultural Environment of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East» (Koptseva, 2016).

В настоящей статье исследуется культурная динамика КМНС Красноярского края, осмысленная в произведениях живописи и графики. Выбор именно этих видов искусства связан в первую очередь с двумя

основными факторами: во-первых, коренные этносы края не живут обособленно; напротив, взаимодействия, случившиеся время от времени, в XX в. приобрели систематический и постоянный характер, в конце XX – начале XXI в. взаимодействия только расширились за счет использования новых технологий связи. Живопись, а особенно графика были положительно восприняты КМНС. Хотя, безусловно, оба эти вида искусства не являются автохтонными для коренных северных этносов края и отдельными представителями воспринимаются как уводящие в сторону от исконных занятий. Во-вторых, графика и живопись являются материалом, позволяющим сравнить представления как КМНС, так и других этнокультурных групп об этнокультурной динамике северных народов; это отличает графику и живопись, например, от ДПИ, являющегося исконным видом искусства для КМНС, но лишь в незначительной степени освоенным другими этнокультурными группами.

Важным фактором при первичном отборе произведений было наличие в визуальном образе оленя – либо самого животного, либо в опосредованном виде, – поскольку представители КМНС края часто отмечают, что их культуры напрямую связаны с оленем и зависят от него. В качестве основного метода, применяемого далее, выступает семиотический в варианте философско-искусствоведческого анализа, разработанного В. И. Жуковским и Н. П. Копцевой (Zhukovsky, 2006).

Обзор литературы

Культурная динамика КМНС Красноярского края исследуется такими авторами, как Е. А. Sertakova, N. M. Leshchinskaya, M. A. Kolesnik, A. V. Kistova (Sertakova, 2022), К. А. Degtyarenko, N. N. Seredkina, A. A. Shpak (Degtyarenko, 2021), А. I. Fil'ko, Yu. N. Avdeeva, N. N. Pimenova, N. N. Robachevskaya (Fil'ko, 2021). Актуальными вопросами, связанными с культурной динамикой КМНС, являются этнокультурная идентичность, ее формирование и поддержание (Avdeeva, 2020; Libakova, 2015);

механизмы памяти КМНС (Koptseva, 2022; Terebikhin, 2019); современное состояние КМНС – их субъективное благополучие (Zabelina, 2020), культурный код (Sokolova, 2015), традиционная культура (Koptseva, 2021).

Этнокультурная идентичность КМНС нередко изучается на материале художественных практик (Amosova, 2019; Moskalyuk, 2020; Kistova, 2020). Отмечается, что в художественных практиках народов Севера часто цитируемым образом является олень. Многообразие его интерпретаций связано с особым отношением к животному, присущим анималистическим представлениям традиционных обществ (Barmina, 2019; Lazutina, 2016). Использование традиционного образа, обращение к традиционной художественной культуре – это, своего рода, способ проявления этнического самосознания малых народностей (Novikov, 2012); к подобному выводу приходит А. В. Лебедева (Lebedeva, 2016). Обобщение и исследование особенностей взаимовлияния традиционного народного творчества и новейших направлений в современном искусстве, а также становление художественной практики в Югре рассматриваются М. Д. Творжинской (Tvorzhinskaya, 2011). В аспекте взаимопроникновения символизации реальности с ранними мировоззренческими конструктами рассматривается творчество современного хантыйского художника Г. С. Райшева (Kulikova, 2018; Ershov, 2019), в работах которого часто встречается изображение оленя.

Результаты

В настоящей статье основное внимание из перечисленных ранее аспектов понятия культурной динамики будет уделено соотношению с культурной статикой, поскольку культуры коренных малочисленных народов Севера в настоящее время представляют собой уникальный сплав традиций и остросовременных практик, стремлений к консервации и к освоению и созданию передового опыта в области информационных технологий. В качестве «нулевой точки»

культурных изменений, той самой культурной статики, в отношении КМНС, жизнь которых визуализирована в произведениях, избрано состояние до прихода на Север советской власти. В таких работах, созданных в XX–XXI вв., фактически нивелируется культурная динамика коренных малочисленных народов, что может быть объяснено как акцентированием традиционности и неизменности их культур, так и указанием на наиболее значимые составляющие культур, их незабываемые, вневременные основы, среди которых родная земля, олени, устное слово, пожилые люди как носители знания, похоронные обряды и т. д.

В качестве произведения, репрезентирующего культурную статику КМНС, можно рассмотреть работу Евгения и Юлии Поротовых «Моя бабушка курит трубку» (рис. 1). С точки зрения анализа данного произведения как визуализации культурной статики можно отметить в нем отсутствие указаний на конкретную временную принадлежность; также можно отметить отход не только от временного, но и от ре-

алистичного в сторону мифологического, сказочного, декоративного.

Центральное место произведения занимает сидящая пожилая женщина, курящая трубку, перед которой стоит таз с крупными рыбинами. Образ женщины сочетает в себе несколько стихий: земля, вода, огонь и воздух. Земле, камням, скалам уподоблена коричневая одежда, испещренная темными глубокими складками. Вода – волнообразные бисерные узоры на рукавах одежды, бисерные украшения как струи воды на голове, в целом бисеринки выглядят как капельки воды. Огонь – оторочка рукавов и подола одежды рыжим мехом будто пламенного животного. Воздух, прежде всего, это дым, струящийся из трубки и ложающийся полосами облаков на небо. Стихии, присутствующие в изображении женщины, переключаются с окружающим ее пространством, и это отнюдь не только дым и облака на небе: мех оторочки одежды подобен огненным плавникам и хвостам рыб, бисер – круглым рыбьим чешуйкам, узоры на рукавах и на подоле аналогичны



Рис. 1. Поротовы Е. и Ю. «Моя бабушка курит трубку». 2014 г. Акрил.

Режим доступа: https://vk.com/pororovart?z=photo13667214_456239164_%2Fphotos13667214

Fig. 1. Porotovs E. and Yu. «My grandmother smokes a pipe». 2014. Acrylic.

Available at: https://vk.com/pororovart?z=photo13667214_456239164_%2Fphotos13667214

узорам земли. Женщина не только сочетает в себе стихии, но является воплощением мира, его концентрацией и одновременно его творцом, на что указывает дым из трубки, не отличимый от облаков на небе.

Образ пожилой женщины может быть трактован и как образ повитухи, на что указывает ряд признаков. Во-первых, у рыбин в тазу перед ней оранжево-красные брюхи, чешуя на которых выглядит как икринки; создается ощущение, что рыбины полны икрой, новой жизнью. Во-вторых, на поясе пожилой женщины в непосредственной близости от одной из рыбин представлен нож, который несмотря на свою зачехленность может быть вынут в любой момент и применен для высвобождения икры. В-третьих, пожилая женщина не предпринимает никаких активных действий – она не потрошит и не чистит рыбу, но выжидает, будто поджидает наиболее подходящий момент. Такое созерцание, кажущееся на первый взгляд пассивным, расслабленным, но судя по отдельным указателям являющееся настороженным и активным, можно обнаружить в других произведениях, связанных с образами повитух, художников, принадлежащих к КМНС.

Пожилая женщина представлена и как защитница, на что указывают ее взаимоотношения с оленями на дальнем плане. Два оленя бегут к ней, будто ища спасения; один олень представлен спокойно стоящим, будучи помещенным внутрь защищенного со всех сторон пространства, образованного согнутой в локте правой рукой женщины, ее торсом и ногой. В непосредственной близости от стоящего оленя находится изображение рукояти ножа на поясе женщины, в данном контексте нож может быть трактован как орудие защиты оленей.

Обнаружив такие аспекты образа пожилой женщины, как объединение мировых начал, творец мира, повитуха, защитница, следует обратить внимание на название произведения – «Моя бабушка курит трубку», которое может быть трактовано, с одной стороны, как то, что любой пожилой человек (бабушка или дедушка) являет собой все эти аспекты, что делает его крайне

значимым для культур коренных народов Севера, на что постоянно в интервью обращают внимание представители северных этносов. С другой стороны, название указывает на то, что Юлия и Евгений Поротовы как художники имеют прямое родственное отношение к творцу мира, сами будучи творцами произведений искусства.

Среди вариантов осмысления культурной динамики, перемен, происходящих в жизни КМНС, визуализированных в графических и живописных произведениях, можно выделить несколько основных моделей взаимодействия традиционного и нового, внутреннего и внешнего, печатного и устного, уникально-этнического и общесоветского: культурная динамика, идущая во вред обеим сторонам взаимодействия; сочетание традиционного и современного, позволяющее современному лучше адаптироваться к суровым условиям Севера; освоение коренными северными этносами новшеств с «материка» для улучшения собственной жизни; обоюдные выгоды от взаимодействия.

Примером произведения с негативным оцениванием культурной динамики может быть названа работа В.Б. Рослякова «Таймыр. День рыбака» (рис. 2). В этом произведении визуализирован поселок, расположенный в тундре на берегу реки. Видимо, на центральном открытом пространстве поселка представлены несколько десятков человек: двое из них выступают на деревянной уличной сцене, подавляющее большинство людей собралось перед сценой смотреть выступление. Несколько человек только присутствуют при выступлении, но не вовлечены в него ни в качестве исполнителей, ни в качестве зрителей: некоторые смотрят на собак; другие разговаривают между собой, отвернувшись от сцены; вдалеке едва различимы силуэты взрослого и ребенка, сидящих спинами к концерту. Лица собравшихся зрителей серьезны или даже унылы, их позы безэмоциональны. Две группы зрителей размещены за сценой, за спинами выступающих: у правого угла сцены расположены понуривший голову представитель коренного северного этноса



Рис. 2. Росляков В.Б. «Таймыр. День рыбака». 1987 г.
Холст, масло. художественный музей им. В.И. Сурикова

Fig. 2. Roslyakov V.B. «Taimyr. Fisherman's Day». 1987.
Canvas, oil. Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov

и три оленя по сторонам его; у левого угла сцены трое взрослых сидят на незапряженных нартах, девочка-подросток стоит рядом с ними, лица всех четверых обращены к выступающим, повернутых к ним спинами. Девочка-подросток выглядит стремящейся выступить на сцене, будто ожидающей своей очереди, на что указывают ее наряд, отличающийся от одежд собравшихся зрителей, и достаточно напряженная поза.

Среди присутствующих подавляющее большинство составляют приезжие-поселенцы, на что указывает, в первую очередь, их городская одежда: свитеры, рубашки, галстуки, юбки. По тельняшкам, кителям и фуражкам отдельных зрителей можно определить их как профессионально связанных с судоходством. Профессиональная принадлежность отдельных зрителей угадывается также по имеющимся рядом с ними атрибутам: например, по этюднику распознается художник в правом нижнем углу; с бумагой в руке на приставленной

к стене клуба лестнице расположился либо делающий набросок художник, либо работник сферы культуры, либо журналист, пишущий заметки о ходе мероприятия. Крайне мало среди изображенных людей детей, что может указывать, с одной стороны, на то, что приезжие по большей части вахтовики, приехавшие на Север временно, на заработки; с другой (вполне согласующейся с первой) – на то, что у поселка нет будущего.

В работе представлен ряд транспортных средств: телега с запряженной в нее лошадью, двое нартов, три оленя, вездеход, лодка. Общей характеристикой для всех них выступает неподвижность. Некоторые из них простаивают временно и скоро придут в движение (телега с лошадью, олени, вероятно – вездеход); другие транспортные средства обездвижены либо надолго, либо навсегда: в нарты не впряжены олени, одни стоят вдали невостребованными, другие потеряли свою основную функцию и пре-

вратились в скамейку для зрителей; лодка вынесена на сушу далеко от берега. То есть нарты и лодка потеряли свои транспортные функции.

Название работы указывает на повод, по случаю которого в поселке происходит концерт, это День рыбака. Но при этом в произведении нет ни рыбы, ни рыбаков. Из атрибутов праздника есть только река и лодка с сетью: река представлена вдалеке, зажатая со всех сторон холмами, домами и землей между ними; лодка находится на суше далеко от воды, сети лежат перекинутыми через ее борт, свешивающимися на землю. Практически все собравшиеся люди расположены спинами к реке и к лодке. То есть, учитывая название произведения, можно выделить два смысловых центра: во-первых, это лодка как неотъемлемый транспорт рыбака; во-вторых, сцена, украшенная, подобно кораблю, мачтами с флагами. Сцена-корабль и лодка соперничают друг с другом за рыбака, за рыбу. И сцена выигрывает: будучи украшенной, возвышающейся над окрестностями, она собирает вокруг себя много зрителей-рыб, в то время как сети, свисающие с лодки, не привлекли никого. Выступающие на сцене оказываются теми самыми рыбаками, на чей праздник собрались жители; в качестве сетей выступают песня, игра на гитаре. Клуб, рядом с которым расположена сцена, перетянул на себя праздник, реку, рыбаков и рыбу. Традиционному укладу жизни в поселке не осталось места: река зажата, лодка на суше, нарты обездвижены, представитель коренного этноса стоит в углу, его олени стремятся покинуть пространство произведения.

Унылость и безысходность представленной ситуации усугубляется и приобретает трагичный оттенок, когда обнаруживается, что визуализированы две, а не одна сцена. Задником второй – большой, основной – сцены является река, точнее прямоугольник реки, синий, нетронутый волнами, будто представляющий собой наспех нарисованную декорацию. Кулисы основной сцены – дома по сторонам. Сама сцена – открытое пространство поселка. Все

изображенные люди и животные при таком рассмотрении являются актерами, предметы – бутафорией (что согласуется с потерей отдельными из них своих непосредственных функций). Зритель живописного произведения в этой трактовке становится одновременно зрителем спектакля, обесценивающего жизни изображенных людей, делающего их всего лишь массовой, статистами.

Произведение В. Ф. Капелько «В горах Путорана. Геологи» (рис. 3) может быть рассмотрено как репрезентант сочетания традиционного и современного, позволяющего современному лучше адаптироваться к суровым условиям Севера.

Данная работа обращает на себя внимание, в первую очередь, названием, точнее кажущимся на первый взгляд несоответствием его изображению: в названии упомянуты только геологи, хотя из трех визуализированных человек один является оленеводом, представителем одного из коренных северных этносов. Вариантов разрешения данного противоречия может быть несколько. Наиболее очевидны два. Согласно одному, названием подчеркивается значимость именно геологов. Но данное объяснение мало согласуется с изображением: двое геологов в нем тнут из стремительного потока наехавшие на валун груженные нарты наряду с оленями, будто сами впряжены в нарты, будто и их погоняет оленевод. Другое объяснение кажется более приемлемым: геологи («гео» – Земля, «логос» – учение) в данном произведении все три человека. Двое – геологи в общепринятом смысле слова, ими собраны образцы, упакованные в привязанные к нартам ящики. Но и оленевод является геологом, только его знание земли другого рода: он знает, как выживать в суровых условиях Севера, как перебираться через стремнины, как управлять оленями. То есть знание одних геологов институционально, других – имплицитно самому пространству, частью которого они – наряду с реками, горами, тундрой, оленями – и представлены. Первого знания в пространстве Севера оказывается



Рис. 3. Капелько В.Ф. «В горах Путорана. Геологи». 1974 г.
Холст, масло. Красноярский художественный музей им. В.И. Сурикова

Fig. 3. Kapelko V.F. «In the mountains of Putorana. Geologists». 1974.
Canvas, oil. Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov

недостаточно, только симбиоз – вплоть до работы в упряжке наряду с оленями – со знанием позволяет местным перевезти ценную поклажу через бурный поток.

Осмысление культурной динамики в положительном ключе как освоения коренными северными этносами новшеств с «материка» для улучшения собственной жизни происходит в произведении С. Ф. Турова «Дочь оленевода» (рис. 4).

Офорт состоит из четырех фигуративных частей: центральная – портрет молодой девушки-медика, на трех маленьких верхних частях угадывается она же – в белой шапочке общающаяся с пациентами либо с сумкой мчащаяся к ним на оленьей упряжке. Сопоставление названия и изображения указывает на то, что девушка, с одной стороны, будучи дочерью оленевода, отошла от традиционной культуры, работая врачом, но с другой – стала еще более близкой своей культуре, более востребованной ею, жизненно важной, поскольку ее работа напрямую связана с акушерством и педиатрией – с будущим. Образ дочери оленевода демонстрирует, что даже кардинальные изменения могут быть отнюдь не губительными для культуры, но, напро-

тив, обеспечивающими ее жизнеспособность, помогающими будущему наступить.

Примером гармоничной культурной динамики, приносящей обоюдные выгоды обеим сторонам взаимодействия, может стать живописное произведение Ю. Д. Дева «Осень в тундре» («Скрипичный концерт») (рис. 5).

В данном произведении визуализировано соединение традиционного и современного (советского). Традиционное здесь – это сама пожелтевшая тундра с почти облетевшими лиственницами и голубыми озерами, в которой расставлены чумы, отдыхают олени, готовится юкола, это люди в этнических одеждах, это груженные нарты вблизи чумов, традиционные лодки, сети. Советское – скрипичный концерт, красный флаг, моторная лодка, вездеход, ветряная мельница, бочки с топливом, снегоход, милиционер и детская коляска. Но важно, что соединение традиционного и современного в произведении – это не столько механическое суммирование, сколько вполне естественный симбиоз. Так, в центре композиции представлен круг, образованный людьми, собравшимися слушать. Эта форма является автохтонной для коренных на-



Рис. 4. Туров С. Ф. «Дочь оленевода». 1972 г.
Бумага, офорт. Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова

Fig. 4. Turov S.F. «The reindeer breeder's daughter». 1972.
Paper, etching. Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov



Рис. 5. Деев Ю. Д. «Осень в тундре. Скрипичный концерт». 1985–1986 гг.
Холст, масло. Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова

Fig. 5. DEEV Yu.D. «AUTUMN IN THE TUNDRA. VIOLIN CONCERTO». 1985–1986.
CANVAS, OIL. KRASNOYARSK ART MUSEUM NAMED AFTER V. SURIKOV

родов Севера: собираться кругом, например, в чуме и – будучи носителями устной культуры – слушать. Традиционно в тундре слушали сказителей, отнюдь не развлекающих собравшихся, но знакомящих их с представлениями о мироустройстве в исконной устной форме. В рассматриваемом произведении на смену сказителю пришел скрипач, знакомящий слушателей (отнюдь не только представителей коренных народов, но и приезжих, легко идентифицируемых по одежде) не с основами миропорядка через призму коренного мировоззрения, но с другой культурой, с культурой Запада.

Интересно обратить внимание на импровизированную сцену, сочетающую в себе, с одной стороны, собственно кулисы-лиственницы и задник из полотна, с другой – подобие покрывки чума. Симбиоз традиционного и современного обнаруживается также в притаившихся за этим полотнищем девушках – они изображены в нарядах, сочетающих в себе традиционность (характерный внешний вид) и современность, поскольку это не просто исконные одежды коренных народов, но концертные костюмы, на что указывает их одинаковость, а также деятельность девушек – нахождение их за сценой в одинаковых костюмах указывает на ожидание ими своей очереди выступать. То есть коренные народы перенимают нетрадиционный для себя, но современный для страны вид деятельности – концертный. Еще один вид деятельности, осваиваемый коренными, – это графика: среди зрителей присутствует представитель коренного народа, зарисовывающий происходящее.

Традиционность и современность естественно соединяются в произведении и во внешнем круге, образованном перемежающимися традиционными жилищами, транспортными средствами и техникой, соседствующими бок о бок, отчасти похожими друг на друга. Похожи друг на друга и лодки – традиционные и моторная; похожи вездеход и нарты, частично накрытые от промокания; похожи по устройству чумы, склад бочек с топливом и импровизированный гараж для снегохода. Есте-

ственность соединения традиционного и современного может быть обнаружена и в ближайшей к зрителю группе персонажей: это единственные отвлеченные от концерта герои – милиционер в форме, молодая мать и детская коляска, перекликающиеся друг с другом по цветовому решению (обшивка коляски и одежда матери, рубашка милиционера и обувь женщины), – можно предположить, что эта семья – эссенция темы естественного соединения разного, представленной в произведении практически повсеместно. В целом, все в произведении выглядит гармоничным и размеренным, все дела сделаны (мясо и рыба, лодки и сети сушатся, все накрыто от возможной непогоды), люди и олени отдыхают перед приходом зимы, перед сезонной сменой жилищ, перед сезонной сменой образа жизни.

Несколько особняком в череде рассмотренных произведений стоит «Наследник тундры» К. С. Войнова (рис. 6).

Изображенный в этом произведении юноша полностью одет не в традиционную для коренных малочисленных народов одежду, хотя именно одежда, как правило, является первым маркером, отличающим один северный этнос от другого. То есть непосредственная принадлежность к конкретному коренному малочисленному народу в современном мире оказывается не столь значима по сравнению с принадлежностью к коренным этносам Севера в целом, юноша – наследник самой тундры, а не только своего народа. Будучи наследником тундры, он выступает защитником оленей, спрятавшихся за его спиной, и даже собаки, стоящей за ним. При этом у него нет никакого оружия, хорей в руках – это шест для управления оленями, а не для битв.

Можно провести аналогию между изображенным юношей и библейским Давидом, на что указывает ряд признаков: во-первых, наличие оленей – Давид был пастухом; во-вторых, возраст – Давид в сражении с Голиафом был юным, практически мальчиком; в-третьих, атрибуты в руках – Голиаф упоминает палки, с которыми идет на него Давид, также оружием Давида является праща; в-четвертых, красная тундра



Рис. 6. Войнов К.С. «Наследник тундры». Холст, масло.
Режим доступа: <http://www.voinov-k.ru/etnika.php>

Fig. 6. Voinov K. S. «Heir of the Tundra». Canvas, oil.
Available at: <http://www.voinov-k.ru/etnika.php>

подобна окровавленному полю боя филистимлян и иудеев. Зачастую в западноевропейской традиции живописи Голиаф не изображался в данном сюжете, что только усиливало ужас зрителя, позволяя ему самому домыслить чудовищность образа великана. В рассматриваемом произведении Голиаф отсутствует, зрителю предстоит самому решить, кто или что представляет угрозу, страшит оленей и собаку. Важным выводом из сравнения наследника тундры с библейским Давидом является следующий: культура коренных народов выстоит под натиском превышающего ее силы врага, поскольку так угодно высшим силам. На это указывают в том числе отдельные элементы визуального представления, например хорей в руках наследника тундры: расположенный по диагонали из левого нижнего угла в правый верхний, он образует так называемую диагональ победы. Грядущий поединок с великаном позволит наследнику тундры стать ее царем. Подобно тому, как библейский Давид был пастухом овец, понимаемых в том числе как паства, олени также могут восприниматься не только как северные животные, но как

сами северные народы, чья традиционная одежда имитирует внешний облик оленя.

Заключение

Проведенный анализ живописных и графических произведений, визуализирующих быт КМНС, позволил разделить их на две большие группы: в одной из них культурная динамика нивелирована, в них представлена скорее культурная статика; к другой группе относятся произведения, в которых культурная динамика фиксируется и осмысливается. К первой группе отнесены работы, в которых представлена жизнь коренных этносов до прихода на Север советской власти. Вторую группу произведений составляют различные варианты осмысления культурной динамики, перемен, происходящих в жизни КМНС, среди которых можно выделить следующие модели взаимодействия традиционного и нового, внутреннего и внешнего, печатного и устного: культурная динамика, идущая во вред обеим сторонам взаимодействия; сочетание традиционного и современного, позволяющее современному лучше адаптироваться к суровым условиям Севера; ос-

воение коренными северными этносами новшеств с «материка» для улучшения собственной жизни; обоюдные выгоды от взаимодействия; симбиоз традиционного и нового. Шесть выделенных моделей осмысления культурной динамики КМНС могут послужить способом систематиза-

ции произведений, визуализирующих быт коренных народов Севера. Количество моделей осмысления культурной динамики коренных малочисленных народов Севера в предложенной систематике может изменяться, подобно тому, как их характеристики могут уточняться и корректироваться.

Список литературы / References

Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., Serechkina, N.N., Zamaraeva, Yu.S., Kistova, A.V., Reznikova, K.V., Kolesnik, M.A., Pimenova, N.N. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of the Siberian Federal University. Humanitarian sciences*, 12 (8), 1524–1551.

Avdeeva, Yu.N., Degtyarenko, K. A. Koptseva N. P. (2020). Compensatory Role of Symbolic Mediators in Constructing Ethnocultural Identity. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(5), 702–715.

Barmina, E.V. (2019). Obraz olenja v tradicionnoi kulture korennih narodov Vostochnoi Sibiri [The Image of a Deer in Traditional Culture of Indigenous Peoples of Eastern Siberia]. In *Socialniy i gumanitarniy jurnal krasnoyarskogo GAU [Social and humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University]*, 2, 202–213.

Degtyarenko, K.A., Serechkina, N.N., Shpak, A.A. (2021). Historiography of Studies of Ethnocultural Dynamics in the Republic of Khakasia. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14(6), 782–796.

Ershov, M. F. (2019). Rayshev: hudojnik v kontexte epohi [Rayshev: the artist in the context of the epoch]. In *Vestnik ugrovedehija [Bulletin of Ugro science]*, 9 (2), 352–362.

Fil'ko, A.I., Avdeeva, Yu.N., Kistova, A.V., Pimenova, N.N., Robachevskaya, N.N. (2021). Ethnocultural Dynamics of the Krasnoyarsk Territory in the Works of Krasnoyarsk Artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14(6), 873–889.

Kistova, A.V., Bulak, K.A., Pimenova, N.N., Shimanskaya, K.I., Pashova, E.V. (2020). The Image of the Yenisei in the Paintings of Krasnoyarsk Artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(6), 891–903.

Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2022). Historical Memory of the Indigenous Small- Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(5), 666–678.

Koptseva, N.P., Berezyuk, S.V., Khrebtov, M. Ya. (2021). Ethnopedagogical practices of preservation and reproduction of the traditional culture of the indigenous small-numbered peoples of the North and Siberia (the case of Krasnoyarsk region). In *Perspektivy nauki i obrazovania [Perspectives of Science and Education]*, 50(2), 293–310.

Koptseva, N.P. (2016). Modern Concepts of Cultural Sociodynamics in the Context of Research of the Socio-Cultural Environment of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9(1). 68–78.

Koptseva, N., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A. (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(7), 1021–1082.

Kulikova, I.M. (2018). Etnicheskie konstrukti skvoz prizmu koncepcij «idealnoj realnosti» v tvorches-tve Gennadija Raysheva [Ethnic constructs through a prism of conceptions of «ideal reality» in creativity of Gennady Rayshev]. In *Vestnik ugrovedehija [Bulletin of Ugro science]*, 8 (4), 780–791.

Lazutina, T.V. (2016). Simvolichnost ornamenta korennih narodov Severa Rossii [The Symbolical Character of an Ornament used by the Indigenous People Of The Russian North]. In *Obschestvo: filo-*

sofia, istoria, kultura [Society: philosophy, history, culture], available at: www.cyberleninka.ru/article/n/simvolichnost-ornamenta-korennyh-narodov-severa-rossii

Lebedeva, A.V. (2016). Olen v izobrazitel'nom iskusstve hantov i mansy [Deer in the fine arts of khanty and mansi]. In *Koncept [Concept]*, 15, 1786–1790.

Libakova, N.M., Sertakova, E.A. (2015). Formation of Ethnic Identity of the Indigenous Peoples of the North in Arts and Crafts on the Example of Bone Carving. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4(8), 750–768.

Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A., Pashova, E.V. (2021). Tradicionnaya ekonomika korennyh narodov Severnoj Azii, prozhivayushchih v zonah s ekstremal'nym klimatom [The traditional economy of the indigenous peoples of North Asia living in zones with extreme climates]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian anthropological journal]*, 1 (3), 20–29. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-1-20-29.

Moskalyuk, M.V., Grishchenko, A.P. (2020) Siberian Identity in Traditions and Innovations of Art Culture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(6), 914–923.

Novikov, A.V., Bondareva, A.A. (2012). «Netradicionnoe» iskusstvo hany i «Severniy izobrazitel'nyy stil'» [«Non-traditional» art of the Khanty and the «Northern style in Arts»]. In *Vestnik ugrovedehija [Bulletin of Ugro science]*, 3(10), 119–128.

Pimenova, N.N. (2021). Modelirovanie nacional'noj politiki SSSR po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa, prozhivayushchim v 1920–1970 gg. v Evenkijskom nacional'nom (avtonomnom s 1977 g.) okruge [Modeling the national policy of the USSR in relation to the small indigenous peoples of the North, living in 1920–1970. in the Evenk national (autonomous since 1977) district]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5(3), 64–76. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-64-76.

Seredkina, N.N., Ermakov, T.K., Temnikova, O.A., Shishkova, E.E. (2021). Evenkijskij nacional'nyj (avtonomnyj) okrug v kontekste sovetskoj nacional'noj politiki 1920–1970 gg. [Evenk National (Autonomous) District in the Context of Soviet Ethnic Policy 1920–1970]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5(3), 77–88. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-3-77-88.

Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Kolesnik, M.A., Kistova A. V. (2022). Ethnocultural Dynamics of the Indigenous Peoples of Yenisei Siberia in Research Works of 2010s-2020s. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(5), 702–716.

Shpak, A.A., Pchelkina, D. S. (2021). Formirovanie slozhnyh identichnostej i processy etnicheskoj samoidentifikacii (na materiale analiza regionov Sibirskogo federal'nogo okruga) [Formation of complex identities and processes of ethnic self-identification (based on the analysis of the regions of the Siberian Federal District)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian anthropological journal]*, 5 (2), 86–96. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-86-96

Sokolova, F., Troshina T. (2015). Ekologicheskoye izmereniye kul'tury korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoj Arktiki [Ecological dimension of culture of indigenous minorities in Russian Arctic area]. In *Ekologiya cheloveka [Human ecology]*, 11, 56–64.

Terebikhin, N.M., Tamitskiy, A.M., Khudyaev, A.S., Zhuravlev, P.S. (2019). Mekhanizmy pamyati v mental'noy ekologii narodov severa [Mechanisms of memory in mental ecology of the northern peoples]. In *Ekologiya cheloveka [Human ecology]*, 03, 30–37.

Tvorzhinskaya, M.D. (2011). Nacionalnie tradicii v sovremennom iskusstve Ygri [National traditions in contemporary art of Yugra]. In *Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]*. 2011. 131, 321–327.

Zabelina, E.V., Kurnosova, S.A., Trushina, I.A., Koptseva, N.P., Luzan, V.S. (2020). Life Values and Subjective Well-being of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone (Based on the Example of the Nenets). In *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 13(6), 997–1006.

Zhukovsky, V.I., Koptseva, N.P., Pivovarov, D.V. (2006). *Vizual'naya sushchnost' religii [The visual essence of religion]*. Krasnoyarsk, 2006, 461 p.